

Александр ЛАСКИН

ТОЛСТОЙ И МЫ¹

(Фрагменты из документального романа «Мой друг
Трумпельдор»)

Уход, смерть, прощание

Толстой больше, чем автор. Ведь сочинители только пишут, а он еще наставлял на истинный путь. Объяснял нам, несмышленным, как отличить правильное от неправильного. Кажется, водил перед носом пальцем. Мол, если вы не слушаете, то будете об этом жалеть.

Догадывался ли писатель о нас, своих сторонниках? Если только в общем. Зачем королю знать подданных в лицо? Хватит того, что мы не забывали о нем. Когда возникали вопросы, ответы находили в его книгах.

Толстой был такой же величиной как, к примеру, Александровская колонна. Вы можете представить, чтобы эта питерская достопримечательность стронулась с места? Так мы восприняли весть о том, что он покинул Ясную Поляну.

Всю жизнь Толстой вносил ясность. Думал и понимал за всех. Тем удивительней, что он оделся в затрапезу и превратился в калику перехожего. Сколько таких бродит по Руси! Каждый хочет найти истину, но не знает дороги. Надеется, что ноги сами приведут его куда надо.

Мы чувствовали страх за него. В тоже время, радовались сходству. Ведь неизвестно куда – это про нас. Хотя бы раз в неделю наша компания покидала родной дом. Вернее, комната, стулья, самовар и стаканы оставались на месте, а мы путешествовали.

Солнце сжигало спины, москиты не отступали, но мы держались уверенно. Конечно, вспоминали Толстого. Ведь это он призывал жить на земле. Помнить о том, что все, в нее вложенное, после вернется сторицей.

У каждого свой Лев Николаевич. Для нас он был еще и соратник. Человек, делавший тоже, что мы. Пусть он не издавал газету, но зато выпускал журнал. Да и школа работала. Даже азбука была не та, что у всех, а написанная им самим.

Как это связывалось? С одной стороны – имение, а с другой – литературное хозяйство. Модные авторы любят поговорить о «жизнетворчестве». Ничего не имею против этих

---

¹ Недавно законченная книга «Мой друг Трумпельдор» написана от лица Давида Белоцерковского. Вышло так, что Белоцерковский почти всегда находился рядом с Иосифом Трумпельдором, - на фронте и в плену, в Петербурге, Финляндии и в Палестине. У кого есть большее право рассказать эту историю? К тому же, момент особый. Прежде чем передать в архив хранившиеся у него рукописи и письма, Давид решил записать все, что помнит о друге. Конечно, ему помогают бумаги. Он читает документы, пытается понять, что это было, а, главное, ради чего...

всклокоченных и сладкоголосых, но не с них все началось. Толстой двигал сюжет и - управлял именем. Отвечал даже за сенокос. Можно сказать, был его автором.

Вслед за первой новостью приходит известие, что в дороге Толстой заболел. Казалось бы, что такое простуда в сравнении с его поступком! Так вот простуда оказалась сильней. Тот, кто хотел побороть все зло этого мира, не одолел эту малость.

Затем темень сгустилась до мрака. Все газеты как выдохнули: Толстой скончался. Так и вижу большие черные буквы вверху газетного листа. Главное, впрочем, читалось на лицах. Казалось, мы стоим у развилки дорог и не знаем какую выбрать.

Мы бы, конечно, растерялись, ушли в себя, если бы не Иосиф. Он буквально требовал, чтобы в эти дни мы были вместе. Чем больше людей придет помянуть Толстого, тем очевидней будет потеря.

Когда Лев Николаевич объединяется с Трумпельдором, то возражений не может быть. Люди шли и шли. Кажется, тут находились все. Причем не только университетские. Например, были представлены Аграрные курсы. Это я объяснил своим товарищам, что их место здесь.

Опять мой друг был впереди. Его единственная рука долго болталась без дела, но наконец сосредоточилась. И не только сосредоточилась, но перешла в наступление. Кажется, мы слышали: «Ура!» и «Защитим «Порт-Артур!» Сейчас ему под силу был не только митинг, но даже сражение.

Что я? Находился рядом с ним - и со всеми. Меня захватила волна общего горя, но я не забыл о своем долге историка.

Мне даже кое-что стало понятнее. Я подумал, что историк – это, прежде всего, нюх. Вот так ведет себя гончая. Уши поднимаются, ноздри прощупывают воздух. Чувствует псина, что настал ее час.

Иосиф Трумпельдор – студент Петербургского университета. 1910-е годы. Архивное фото.

ДОКУМЕНТЫ

Откуда у меня эти бумаги? Я их получил во время февральской революции. В эти дни все было наоборот. Какой-нибудь мастер делать бомбы и взрывать губернаторов вдруг становится лицом публичным. Недавно его жизнь проходила в прятках с полицией, а сейчас он сам власть. Возможно, министр Временного правительства.

Как-то сижу у нашего приятеля Савинкова. Беседуем, удивляемся. Вот оно как бывает! всю жизнь действовал из-за угла, боялся провала, а вдруг - кабинет в Зимнем дворце. Нажимает на звонок – и является секретарша. Хотите чая? А, может, время отдавать приказы и нужна моя помощь?

«Тебя это не заинтересует?» - улыбается бывший бомбист, и протягивает десяток мелко исписанных листков.

Революция подобна взрыву гранаты в болоте. Всплывает все, что лежало на дне. Вот и эти бумаги подняло на поверхность. Все прошли мимо, а один подумал, что это заинтересует знакомого. Он участвовал и сможет по достоинству оценить.

Документ действительно любопытный. Ректор Петербургского университета Иван Иванович Боргман объясняется перед Управляющим учебным округом. Задача у него сложная. Надо все рассказать так, чтобы никто не пострадал.

Слышал ли Боргман наши фамилии? Наверное, кто-то постарался и сообщил. Да и прочие имена ему были доложены. Впрочем, ректор не назвал никого. Хватит того, что он сам известен адресату. Он и будет отвечать за всех.

Итак, тон ровный, голос не повышается. Кажется, он описывает химический эксперимент. Выводов не делает, но последовательность передает точно. В данном случае это важнее всего. Если реакция пошла так, а не иначе, то это и есть итог.

Прежде чем перейти к моим выпискам, надо сказать, что мы с Боргманом знакомы. Конечно, кто - он, а кто - я? Тем существенней эта искорка. Проскользнула она стремительно, но все же оставила след.

Как-то захожу за Иосифом, а тут – ректор собственной персоной. Улыбается не куда-то в пространство, а лично мне. Тогда я осмелел и улыбнулся ему. Так, не познакомившись, мы обменялись приветствиями.

Потом я узнал, что это не просто так. Правда, сам Иван Иванович на эту тему не распространялся. Ведь после крещения он сменил отчество «Абрамович» и вроде как к нашему племени не принадлежал.

Как уже сказано, события из ряда вон выходящие, а температура отчета тридцать шесть и семь. Что ж, так и должно быть. Исследователю ни жарко, ни холодно. Он опускает очки на нос и записывает то, что видит через стекло.

Вот начало этой истории:

«Известие о смерти Л.Н. Толстого, полученное в С. Петербургском Университете в воскресенье 7 ноября, заставило в тот же день созвать Светскую комиссию, которая в знак траура по почетном члене Университета решило чтение лекций 8 ноября отменить. В то же время, предусматривая возможность обращения со стороны студентов с просьбой о сходке, Комиссия полагала таковую разрешить. Такое разрешение и дано было проректором, причем предъявляемая программа сходки намечала обсуждение вопросов о посылке студенческой делегации в Ясную Поляну, о месте для выставления портрета Толстого, подаренного студентам с его собственноручной подписью, и о телеграмме. Начавшись в 12 часов, сходка закончилась через час с небольшим и, несмотря на большое число участников – до 4000 человек, прошла спокойно. При выходе из зала студенты запели «Вечную память». Это пение продолжалось и на улице»².

---

² Здесь и далее неопубликованные документы цитируются по оригиналам, хранящимся в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга и Российском государственном архиве литературы и искусства (Москва).

Текст вроде как констатирующий, но читать без волнения невозможно. Я сразу нахожу Иосифа в толпе. Он размахивает рукой и что-то кричит. Рядом с ним - я. Тоже срываю голос. Как обычно, развиваю мысли своего друга.

Кстати, насчет его отстраненности я немного преувеличил. Все же эксперимент не совсем чистый. Иногда он участвовал и даже пытался влиять. «Ректор, поднятый студентами на руки, - говорится в докладной, - убеждал их вернуться». Вот такой сложный состав. В тоже время вместе и порознь. Сидит на скрещенных руках подопечных, но с ними не соглашается.

«Компактной массой студенты двинулись к набережной, а затем вдоль ее по направлению к Николаевскому мосту. Ректор и проректор, а так же многие студенты во многих местах уговаривали толпу разойтись. Однако толпа, хотя и не всегда решительно, продолжала двигаться вперед. У здания Академии художеств толпа временно остановилась в виду полиции, преградившей вход на Николаевский мост... Толпа заколебалась. Конные городовые разделили ее на две части и направили одну к Университету, а другую по четвертой линии. До Университета студентов дошло немного и они скоро разошлись».

Тон, как уже сказано, спокойный, но мысль постоянно уточняется. Двигается к самой сути. Вот он объясняет, что это - университет. Своим тут все ясно, а посторонним нужен комментарий. К примеру, почему в коридоре народ? Это студенты пришли узнать об экзаменах, как вдруг тема поменялась.

«Вообще следует сказать, что в этот и последующие дни положение дела осложнялось производством записи на экзамены (в декабре) студентов самого многочисленного – юридического факультета. В частности, 8 ноября студенты-юристы 4 курса, с трех часов, с разрешения Проректора и Декана, устроили совещание касательно экзаменов. Это совещание привлекало все больше студентов по мере приближения к 6 часам, когда была назначена выдача билетов юристам. Тем временем, оказалось, что часть студентов-манифестантов, человек 600-700, оттесненная полицией по 4 линии, не разошлась, а направились к Среднему проспекту и по нему к Университету мимо здания студенческой столовой. Здесь студенты были встречены конной полицией, которая отделила человек двести и рассеяла их с Биржевой площади по переулкам. Человек 400-500 вошло в Университет. Здесь были и посторонние. Эта толпа шумно явилась в коридор, направились в 9 аудиторию, где совещались студенты-юристы, а затем вошла в актовъй зал. Сюда стали стягиваться и юристы, пришедшие на запись. Началась шумная сходка, настроение которой подогревалось ложным известием, что двести человек, отрезанных полицией на Биржевой площади и в действительности только рассеянных, арестованы. Назревало решение идти освободить их силою. В тоже время в коридоре около Деканской Юридического факультета происходили бурные сцены вследствие недоразумений с записями. По получении точных справок, что арестован никто не был, Проректор отправился в актовъй зал и заявил об этом».

Вы не забыли, что речь о записи на экзамены? Значит, жизнь продолжается. Митинг - митингом, а учебу никто не отменял. Да и январь наступит в срок. А уж тогда за учебники сядут все. Те, кто пел «Вечную память», и те, кто в это время находился дома.

«9 ноября. В этот день была назначена панихида по Толстому в Армянской церкви, стянувшая на Невский массу учащейся молодежи. После того, как эти массы были рассеяны полицией, они в значительной части своей направились к Университету. Так как входы охранялись полицией, то

средоточие пришедших произошло на Биржевой площади, около столовой. Толпа делала попытки проникнуть в Университет и сняла с петель ворота со стороны Биржевой площади. Полиция однако помешала вторжению и удалила со двора тех студентов, которые успели проникнуть через заборы со стороны Филологического Института и столовой. На площади полиция старалась разъединить столпившихся и не допустить речей. Студенты разошлись без дальнейших инцидентов...»

Снова представляю ученого химика за его привычным занятием. Он хочет понять: что там – по ту сторону стекла? Да и по эту есть много вопросов. К примеру, ему нужно знать, что такое – пощечина? Много это - или ровно то, что необходимо?

Как обычно, Иван Иванович не говорит прямо, но рассказанный им случай не оставляет вариантов. Пощечина – это точка. Тот самый решающий жест, который должен ситуацию прояснить.

За несколько дней студенчество раскололось на почитателей Толстого – и любителей сообщать куда надо. Понятно, что вторые косят под первых. Правда, если они выдают себя, то получают по полной.

«... Во время заседания Правления, в 2 часа, Проректор был вызван одним приват-доцентом, заявившим, что на коридоре избили студента, принадлежащего к Союзу русского народа или академика. Проректор немедленно отправился на коридор и установил, что столкновение произошло у актового зала в группе студентов, рассуждавшей о сходке 3 декабря. Один из участников беседы, приняв другого за члена академического союза, вдруг заявил, что видел его и его товарища во время сходки у телефона сообщаящим сведения полиции. За это студент от собеседника получил пощечину. Дальнейшее развитие сцены было замято самими студентами».

Вряд ли пощечина была последней в череде событий, но Бергман ею закончил отчет. Ведь это мораль и итог. Подтверждение, что мы не только чтим Толстого, но ему следовали. Черное называли черным, а белое белым. Если же видели, что слова не помогают, переходили к прямым действиям.

Думаю, что Бергман и себя имел в виду. Тон он избрал верный, но ситуация неприятная. Хоть он и ректор, а все равно, что этот студент. Да и обращаются они по одному адресу. Или почти одному. В конце концов все полученные сведения будут собраны в одной папке.

К сожалению, вариантов тут нет. Был бы он не ректором, а просто ученым, то тогда конечно. Если захочешь, можешь скривить лицо. Встать в позу, наконец. Сказать, что я думаю только об опытах, а прочее мне неинтересно.

Пожалею бедного Ивана Ивановича. Как никак, человек старался. Мало кто в его положении хочет сохранить достоинство. При этом Бергман не перебарщивал. Благодаря этому вышла ему не отставка с волчьим билетом, а только поднятые брови и несколько сердитых галочек на полях.

И все-таки Бергман не выдержал. В конце 1910 года подал прошение. Можно было уйти по состоянию здоровья или в связи с научными занятиями, но он решил, что достаточно. Если дело в нарушении прав студентов, то так надо и говорить.

ДОКУМЕНТЫ

Многие из тех, из-за кого ректор покинул свою должность, были ему неприятны. При посторонних он бы не стал выяснять отношения, а в личном разговоре мог спросить: что важнее чем смерть гения? Говорите – правда и справедливость? Так ведь умерший – то самое и есть.

Хотя в дни прощания мне мешали слезы, но кое-что я разглядел. Кто только не пытался воспользоваться этим уходом! Причем поводы были так далеки от Толстого, что прямо дивишься.

За пару дней Университет превратился в революционный штаб. Наверное, где-то висели расписания занятий, но теперь это мало кого интересовало. Другое дело - листовки. За, против, ни за, ни против. От этой разногласицы голова шла кругом.

Подписи в основном обобщенные. Не Иван Иванов, а «группа с.-р.» Пусть те, кому это положено, разгадывают аббревиатуры, а меня волнуют предпочтения. Мне это показалось настолько важным, что кое-какие листовки я снял со стены.

Бумаги могли всплыть вместе с отчетом Бергмана, но кто же знал, что откроются архивы? Детский опыт потрошителя яблоневых садов подсказывал мне: возьми. Лучше это сделаешь ты, чем полиция. Еще хуже если эти листовки пропадут в куче мусора.

Возможно, я так поступил из-за газеты, которую мы выпускали в плену. Уже говорилось, что от нее не осталось почти ничего. Конечно, можно было припрятать в кармане или подкладке, но я не решился. Себя довез в целостности-сохранности, а наше издание не уберег.

Зато с листовками не оплошал. Вот они, в папочке. Читаю – и сразу возвращается все, что связано с этими днями.

Значит, не так уж ошибался Савинков, когда передавал мне докладную. Да и Плюшкин со свечными огарками был по-своему прав. Уж не говоря о коллекционерах бабочек. Каждый из них способствовал не умалению, а прибавлению.

Вот как создается история. Документ к документу. Если свечной огарок к ней имел отношение, он тоже не будет лишним. Ну и бабочку приколем иглой. Пусть напоминает о том, как летала вблизи важных событий.

Впрочем, сейчас мы о листовках. Достāju их со всей возможной бережностью. Это почтение не к конкретной бумаге, а к тому целому, в которое они входят одной из частей.

Как все перемешалось! Были мы, скорбевшие о потере почти отца, но существовали другие, кто просто воспользовался скоплением народа. Вот так же мелкие воришки. Их никто не видит, но зато они замечают все.

«Группа С-Р доводит до сведения товарищей, что общегородской комитет в присутствии представителей от 17 высших учебных заведений постановил: 1) предложить студенчеству объявить демонстративную забастовку протеста против современного государственного уклада на весь

семестр 2) предложить студенчеству дни – понедельник и вторник – посвятить обсуждению этого вопроса, а в один из следующих трех дней (среда 26-го, четверг 27-го, пятница 28-го) собраться на сходку для голосования резолюции о забастовке».

Как видите, для них нет ничего, кроме борьбы за правду. Даже смерть гения не мешает им решать свои проблемы. Раз они недовольны режимом, то зачем ходить на занятия? Даем властям семестр на проведение реформ. Ведь если пропустить больше, то с университетом придется расстаться.

Вот еще одна листовка. Опять же Толстой не называется. Дело куда серьезнее. Да и не до прошлого тем, кого волнует будущее. То, чего нет, и, возможно, не будет.

«К землячествам

Тт. Цикл завершен. Землячества, начавши подпольное существование, прошли через стадию открытой легальной деятельности и, наконец, теперь снова загнаны в подполье. Многолетняя самоотверженная работа пошла на марку. Новая борьба начинается и лозунгами ее могут быть лишь требования самой широкой свободы.

Группа с.-р., подчеркивая политическое значение настоящих выступлений, обращается к землячеством с предложением агитировать среди своих членов за новое студенческое выступление».

Все же здравый голос прозвучал. Уймись! – говорил он. Ничто не должно быть поводом! Представьте, что умер не Толстой, а вы. Как бы он пришел на вашу могилу? Как бы склонил голову? Уж точно обошлось бы без лишних слов.

«Товарищи! Гениальный писатель при жизни был поборником тишины и порядка. Умирая, он в последней своей воле завещал миру тоже самое -блюсти тишину и порядок.

Так ли, Товарищи, истолковали волю покойного вашего Вождя?

Неужели вы не видите их ясного желания использовать минуту всемирной скорби для своих мелких политических, по сравнению с моментом, интересов.

Мы полагаем, что все теперь происходящее – величайшее оскорбление памяти покойного и его свежей могилы.

Опомнитесь во время пока не поздно и не позорьте памяти покойного».

Под текстом написано: «беспартийное студенчество». Вот-вот – беспартийное. Значит, имеющее право на свое мнение и свои, особенные слова. Все вместе никогда не скажут: «блюсти тишину и порядок». Это можно произнести только от своего имени.

Многие наши не соглашались с «с.-р.», но и не разделяли мыслей о «тишине и порядке». Как-то не приходило в голову, что иногда лучше помолчать. Подумать: это – я, а это – смерть. Насколько все мельчает в ее присутствии!

Толстой знал, что смерть - это тишина. Ведь уйти из Ясной Поляны значило раствориться. Из человека в центре внимания стать одним из многих.

Впрочем, тогда мы думали о другом. Даже мизерность Астапова нас не смущала. Представлялось что-то вроде Березова. Помните суриковское полотно? Низкие потолки, стены из бревен, маленькое окошко - и тот, кто этому противостоит.

Словом, мы совсем не могли без героики. Уж раз мы решили его помянуть, то пусть это будет коллективный акт. Как-то не приходило в голову, что лучше это делать по одному.

Еще долго эта история напоминала о себе. Там, где умер Иосиф, о Толстом говорили нечасто, но это был именно такой случай. Во-первых, на его похоронах пели. Правда, не «Вечную память», а «Хатикву». К тому же два эти события связывал памятник, изображающий рычащего льва.

Говорите, я это придумал? Что ж, возможно. Это мои воспоминания, и у меня есть право на любую догадку.

Мне кажется, что монумент в Тель-Хае посвящен еще и Толстому. Все же тут и там - Лев. Да и октябрь сразу вспоминается. Вот мы шумим, поем, перебрасываемся цитатами... Нас здесь столько, что голоса перелетают через Неву.

Слева направо: Ханна Белоцерковская, Давид Белоцерковский, Иосиф Трумпельдор. 1910-е годы. Архивное фото.

ДОКУМЕНТЫ

Как вы помните, ректор никого не назвал. Зато в газетных сообщениях нас поминали все время. Правда, без имен и фамилий. Таковы правила газетного жанра – бьем сильно, но исподтишка. Пишем не о ком-то конкретно, а сразу обо всех.

Чтобы отличить черносотенные издания, особые таланты не нужны. Достаточно нюха. Чувствуете запах? Теперь вам следует зажать нос и смело нырять.

Вот передо мной такая газета. Это о чем тут речь? О нашей попытке достойно проститься с писателем? Разве этот митингующий – Иосиф, а рядом – кто-то из нас? Кое-что похоже, а в целом узнать невозможно.

«Какой-то жидочек из крайне левых вносит предложение: «Студенчество петербургского Университета считает, что лучшим способом увековечить память Л.Н. Толстого является неотложная отмена смертной казни»... Затем почти без прений принимаются: ... 2) Отпечатать портрет и продавать среди студентов университета, вырученные же деньги употребить на увековечивание памяти Толстого в университете, т. е. обратить на нужды революции добавим мы от себя. 3) Обложить студентов Университета обязательной взносом и из собранных денег образовать стипендию имени Толстого (которая будет выдаваться только жидам или известнейшему революционеру; это неписанная часть резолюции) или употребить их как-нибудь иначе (например, пропить)»

Если ректор тщательно выбирал слова, то этим все равно. Ругаются с удовольствием. Как начнут, так не остановятся. Скажут слово, а на языке набухают еще три.

Это надо же! Жить рядом с прекрасными зданиями - и жевать грязь! Впрочем, нас этим не удивишь. Очень даже понимаем, что если газета проявит благоразумие, то жанр будет другой.

Журналисты все почуяли правильно. Поэтому дальнейшие события нас не удивили. Мы думали не: «За что?», а «Наконец». Нас выслали в Финляндию, а потом пришли с обыском. Вряд ли добивались чего-то конкретного. Скорее предупреждали. Мол, раскиньте мозгами. Может, поймете, что в университете учатся, а не устраивают митинги. Если вы настаиваете на своем, то придется разговаривать под стенографистку. Чтобы после не переспрашивать: это ваше последнее слово или вы хотели бы показания изменить?

Княжество Финляндское и мы

Не по себе Трумпельдору-студенту. Больно скромные задачи перед ним стоят. Прочитай, вызубри, расскажи... Особенно не развернешься. Что ж, понимаю. Ему привычней сидеть в окопе или выступать перед толпой. В такие минуты он чувствует ветерок. Некое дуновение опасности.

Какое дуновение, если Иосифу угрожают только строгие преподаватели? Впрочем, вскоре ему представился повод сорвать голос. Хотя людей вокруг находилось мало, но он, как обычно, себя не жалел. Уж размахивать так размахивать. Кричать так кричать.

Что полагается за «организацию студенческих беспорядков»? Тюрьма – это слишком, а поселение – в самый раз. Слава Богу, путь близкий. В Финляндию. В этих местах можно не только отбывать срок, но отдыхать. Особенно если грибная пора.

Хоть и жалко отрываться от дел в столице, но тут ничего не поделаешь. Насладимся природой впрок. Когда еще предоставится такая возможность?

Итак, собралось тринадцать человек. У всех свои причины для ссылки. Единственное, что нас объединяет, это любовь к Толстому. Каждый поучаствовал в прощании с ним.

Что нас здесь привлекало, кроме леса и грибов? Об этом мы говорили не прямо, а намеками. Заговорщицки спрашиваешь: «Ты понимаешь?», а в ответ слышишь: «Как не понять!»

Казалось бы, что с того что нас тринадцать? А ведь это двенадцать плюс один. Догадываетесь, к чему я? Кстати, Иосифа это веселило. «Да хоть Моисей! – говорил он. – Впрочем, Моисеем я уже был».

Новый поворот

Там где Иосиф, там всегда грандиозные планы. На сей раз он решил помочь финнам. А что? В судьбе России мы поучаствовали, а тут случай не такой сложный.

Что мы могли сделать? Даже произнести неловко, но все же рискну. Тем более, что идея не моя. Так что подозрение в мании величия отметаю с порога.

Иосиф говорил, что финны стали задумываться о суверенитете и нам следует их поддержать. Хотя бы рассказами о Хамадере. О том, как мы захотели – и сделали. Как, несмотря на лагерь, ощутили себя свободными людьми.

Про парламент им объяснят другие, а вот в том, что такое достоинство, мы понимаем. Спина прямая, глаза глядят вдаль. Это не гордыня, а уверенность в своей отдельности. В том, что мы – это мы, и вряд ли станем другими.

Так мы себя тешили. Обустроимся, а затем приступим. Будем объяснять, что свобода – лучше, чем несвобода.

Сперва осмотрелись, сняли комнаты. Посмотришь со стороны – настоящие дачники. Что с того, что идут дожди? Мы здесь все равно как Репин или Андреев. В поисках скуки и тишины. Вот успокоим нервы – и что-нибудь талантливое создадим.

Вот какие были мечты. Очень скоро нам напомнили, что мы живем на земле. Да еще под приглядом полиции. Каждую неделю отмечаемся в участке. Повторяем: все хорошо. Бежать не собираемся. Жалоб нет. Если понадобится, готовы всю жизнь провести в ссылке.

Зато выйдем из кабинета – и настроение как в Петербурге или Хамадере. Устраиваем чуть ли не митинги. Голоса, правда, стараемся не повышать. Понимаем, что в любом шкафу или самоваре могут быть спрятаны уши.

Правда, полицейские к нам редко заходят. Предпочитают встречаться по месту службы. Тут они как в раме – письменный стол, портрет Государя над головой. Стоит оторваться от стула, и композиция распадется. Так что лучше сидеть и не двигаться.

Однажды единство полицейского со столом было нарушено. Больно дело срочное! Смотрим в окно, а там гость! Мало того, что лично сподобился, но еще какой-то не такой. Смотрит не поверх и мимо, а вроде как насквозь.

В статье, которую мне еще придется цитировать, Иосиф назвал полицмейстера «пожилым откормленным финном». Вооружен он был не только взглядом. Существовало нечто столь же острое. Прислушиваюсь: стук-стук... Вроде звучит не грозно, но это только пока. Если что не так, сабля будет предъявлена как аргумент.

Зря он переполошился. А уж со стула можно было вообще не вставать. Если посмотреть в наши документы, то там все написано.

Полицмейстер спросил: «Нет ли среди вас евреев?» Вместо того, чтобы на вопрос ответить вопросом: «А кто в плену издавал газету на идише?», мы с Иосифом сделали шаг вперед.

Оказалось, эти сведения нужны не для отчета или еще какой чиновничьей блажи. Дело в том, что с восьмьсот шестого года евреям запрещен въезд в Финляндию. Так что вообще непонятно, как мы тут оказались.

Словом, ошибочка вышла. Придется исправлять. Одиннадцать человек остаются тут, а мы отправляемся по месту жительства.

Как вам это? Даже наказать нас они не смогли. Пришлось порадовать. Если нахождение в княжестве нам заказано, то придется жить на берегах Невы.

Ничего не имею против леса и ягод, но Петербург это другое. Я прямо зажмурился, когда представил, что нас ждет. Лучшие друзья и лучшие из дворцов.

Значит, прощайте финны! Не удалось нам вас вразумить. Если нельзя к вам, то разговор о свободе и достоинстве придется перенести в столицу.

Новость была бы вполне переносимой, если бы не одно обстоятельство. Мы не имели права ехать в поезде. За нарушение столь важного закона полагался этап. Это, по меньшей мере, дней семь.

Вздыхаю, развожу руками, всячески показываю, что недоволен. Наконец соглашаюсь. Что поделаться? Их много, а нас двое. Если ботинки по пути не развалятся, то может и обойдется.

Нет, Иосиф против. «Все же, - возмущается он, - мы - политические. Да и ордена за Порт-Артур позвякивают в нашу честь. Это уголовники пусть прогуляются, а мы заслужили поезд».

Вечером мой друг организовал что-то вроде собрания. Он стоял на небольшой возвышенности и обращался к городу и миру. Заодно и к нам, сосланным. А еще к полицейским. Они перетапывались невдалеке и вяло поглядывали на нас.

Я знал, что Иосиф – упрямец. Все давно успокоится, а мой друг будет кипеть. Если кто и помешает нам попасть в столицу, то это он. Больше всего полиция не любит нервных. Даже к мыслящим криво, не так как положено, она относится лучше.

«Это убийцы, - не унимался Иосиф, – общаются только с охранниками, а мы можем обратиться хоть к царю. Впрочем, сперва поговорим с губернатором. Отчего в его вотчине такие правила? Всем позволено отбывать наказание, а только нам запрещено».

«Ну-ну», - ухмыляюсь я и, как вы догадались, попадаю впросак. Это становится ясно уже наутро. Просыпаюсь, а он бреется перед зеркалом. Интересуюсь: ты не к барышне? У Иосифа нет оружия, но есть глаза. Он как выстрелит! Я сдаюсь и мысленно прошу о пощаде.

Представьте, Выборгский губернатор (к сожалению, забыл его фамилию) принял Иосифа. Был доброжелателен и даже пригласил разделить трапезу. Правда, когда мой друг перешел к делу, сразу погрузился. Это значило, что он не всемогущ. Хороший завтрак – в его силах, а остальное от него не зависит.

«Кто такой я? – сказал он, - Исполнитель указаний сверху. В этом смысле – рядовой гражданин».

Губернатор знал, что Иосиф – герой. Так что время было потрачено не впустую. Впрочем, он не перетруился. Поулыбался, вспомнил о Порт-Артуре, и выбросил из головы вон.

Оставалось написать питерскому градоначальнику Драчевскому. Кстати, мы обращались к нему не впервые. Недавно по тому же адресу было отправлено требование об отмене смертной казни. Толстой в петиции не назывался, но это делалось в память о нем. Мы вроде как спрашивали: не забыли к чему призывал гений? Так вспомните и устыдитесь.

Вряд ли наша цидуля дошла до Самого, но в его канцелярии ее точно обсуждали. Наверное удивлялись: вот до чего студенты додумались! Это не они должны нас просить, а мы от них требовать! Учитесь, посещайте занятия – и, может, тогда вам воздастся.

Как видно, после телеграммы из Финляндии в канцелярии о нас вспомнили. Как же, как же. Совсем распустилась молодежь. Что ж, пусть привыкают. Прогуляться до столицы - это вам не то же, что прогуливать лекции.

Стоило это представить - и я опять скис. Теперь, думаю, не отвертеться. Придется померзнуть в тонких пальтишках... Тем удивительней то, что случилось потом.

Телеграмма не только дошла до адресата, но получила благожелательную резолюцию. Правда, билеты предлагалось купить за свой счет. Все же казна не бездонная. Тут только дай повод - и все захотят попользоваться....

Я рад-радешенек. Все же сыты и в тепле. Что касается того, кто платит, то разве это важно? Иосиф вроде тоже не возражает, но талдычит свое.

- Нельзя во всем искать середины. Середина – это не то и не другое, по сути - ничто. Ты хочешь объективности, а на самом деле – закрываешь глаза. Да, с одной стороны нам позволили, а с другой - указали наше место.

На самом деле середины я хотел от него. Правда, все усилия были напрасны. Это, знаете ли, все равно, что волнующееся море. Вряд ли уговорами добьешься штиля.

- Что за дурак! – говорю я. – Это же глупо все время настаивать на своем. Нельзя же так – хочу все и сразу. Может, сейчас покажешь слабость, а потом наверстаешь?

- Мы с тобой пессимист и оптимист. – я все никак не унимаюсь. - Один думает - стакан наполовину пуст, а другой - наполовину полон. Все зависит от того, кто внимательней. Может, стоит приглядеться? Наша ситуация скорее смешная. Даже не наша, а их. Они напридумывали столько законов, что запутались. Даже сослать как следует не умеют.

Когда я чем-то обеспокоен, то становлюсь бурчуном. Если же взволнован Иосиф, то слышно каждое слово. Их очень мало, этих слов. Буквально десять-пятнадцать. Да. Нет. Почему? Если я дурак, то ты трус и предатель.

По всем этим поводам мой друг решил обратиться в независимую инстанцию. Написал статью. Пусть читатели «Речи» примут соломоново решение. Все же неправильно, когда одни законы для нас, а другие для остальных.

«Путь не дальний и не трудный. – писал Иосиф, - До Порт-Артура было дальше; в Порт-Артуре труднее. Чести меньше? Но это как посмотреть. Чести меньше, может, не тому, кто идет, а тому, кто отправляет».

Опять мы повздорили. Я сказал, что статью не опубликуют, а он был уверен, что в газете его примут как родного. Прав оказался я. В редакции его попросили поблагодарить градоначальника. Все же есть за что. Если бы не его милость, вам бы пришлось идти пешком.

Иосиф доказывал уже не мне, а редактору, что вряд ли это победа. Городской глава по должности обязан почитать норму. Можно только посетовать, что так происходит не всегда.

Это было не первое его поражение и, уж точно, не последнее. Теперь все так и пойдет. Он был народным героем, можно сказать – народным избранником, а стал таким как все.

Словом, чудеса отменялись. Я вижу в этом не прихоть, а план. Кажется, тот, кто управляет нами, говорил: вот человек, подброшенный удачей и едва не летящий, а это другой, рассчитывающий только на свои силы. Первого остановить невозможно, а второй слаб перед всякой напастью.

В новом его положении не помогала даже храбрость. Он был такой как я, как вы, как кто угодно. Конечно, случались удачи вроде привета от Драчевского, но все же это не то, что удавалось во время войны.

Мы опять с ним ругались. Вернее, ругался в основном я. Иосиф почти не отвечал. Возможно, мои аргументы его уже не интересовали. Он был – как бы сказать поточнее? – вроде как паровоз на пару. Сейчас раздастся свисток и – вперед! Дальше мы увидим исчезающий хвост и дымок на горизонте.

ДОКУМЕНТЫ

Что такое обыск? Сложно дать точный ответ. Как уже ясно, результат достигается не во всех случаях. Да он порой и не обязателен.

Конечно, все начинается с топтуна. С того, что он не просто прохладился на улице, а держал ухо востро. В департамент вернулся с уловом. Как вам, дорогой начальник, эта фраза? Да это же форменный подкоп!

Начальник натянул очки на нос и почесал лысину. Молодец, друг. Не зря промерз. Теперь уже никаких сомнений. Имеем полное право отправиться к клиенту домой.

Итак, 15 января 1912 года, чуть больше чем через год после студенческих волнений и через полгода после высылки в Финляндию, к нам пришли с обыском.

Представляете? Город еще не пришел в себя после Рождества, а тут они. Видно за время праздников истосковались по работе. Прямо руки чешутся что-то перетряхнуть, а затем начать по новой.

Ах, это наше родимое «раззудись плечо»! Сил не жалели, но в подробности не вдавались. В описи сказано: «собраны не имеющие значения для дела вещи, переписка и документы». Значит, мели все подряд. Даже фикусу досталось. Раскинув корни и листья, он лежал на полу. Казалось, уж он-то как связан с политикой? Если, конечно, не иметь в виду его дальнего родства с пальмой.

Мы решили, что в охране отчитывались за фунты. К примеру, за телегу с трофеями получаешь чин. Со временем так набиваешь руку на этом занятии, что можешь претендовать на орден.

Словом, нагрузили до самого верха, но сами не понимают зачем. Больно все бесполезное. Для чего, к примеру, печать? Или конверты с марками? Лучше бы взяли горшки с цветами. Нет, разбили, но оставили. Чтобы этот погром еще долго не забывался.

За восклицательные знаки на полях досталось Льву Николаевичу. Его тома перетрясли так, словно искали между строк. Потом взялись за Этьена Кобе и его «Путешествие в Икарию». Эту книгу быстро вернули в состояние бумаги.

С Толстым все понятно, а про Кобе следует объяснить. Иосиф перечитывал его постоянно. Протянет руку, откроет в любом месте - и вновь вдохновляется.

Жил этот Кобе в начале прошлого века. Кажется, ни в каких утопиях не участвовал, а все представлял верно. Утверждаю это как человек, прошедший Хамадеру. Больше года мы провели в его романе.

Отличие, правда, есть. Нашу свободу ограничивала колючая проволока. Впрочем, главное не в этом. Если нет полиции и начальства, то даже лагерь для пленных не так страшен.

Кстати, если нет начальства, то нет и бюрократии. Это, пожалуй, самое удивительное. Ведь даже обыск - это не только погружение в хаос, но и процедура. По итогам разгрома составили протокол. Учли каждую мелочь. Показали, что ничто не застряло в кармане и подшито к делу.

«1). У Клебанова и проживающей совместно с ним его сестры Эстер Клебановой – четыре записные книжки с адресами, три талонных книжки для сбора денег, из которых одна с оттиском мастичной сионистской печати для сбора пожертвований в пользу национального фонда, чековые книжки с еврейским текстом, черновики статей, подготовленных по-видимому для печатания, квитанционная книжка для приема денег от подписчиков на газету «Рассвет», небольшой железный ящик с 59 коп., 36 чистых бланков повесток о собраниях, несколько заполненных бланков о состоявшихся уже собраниях и большая переписка по сионистским делам. У них же на квартире собраны, не имеющие значения для дела, вещи, переписка и документы слушательницы фельдшерских курсов Камераза Товы Берковой Хаскиной.

2). У И. Файна – черновики извещений, начинающиеся словом: «Товарищ», в котором изложен результат первого общего собрания С.Петербургской студенческой фракции, черновики циркулярного письма с кратким изложением современного течения сионизма и с предложением сплотиться в организации и присоединиться к центральному бюро студентов – сионистов в Берне, тетрадь в синей бумажной обложке, на первых двух страницах которой изложены пожелания, выработанные на конференциях общего союза (вероятно, в Берне) и на русской конференции; далее следуют адреса членов С. - Петербургской фракции и адреса для сношений с другими городами, почтовый листок бумаги с рукописным разъяснением к университетскому уставу кружка «Маккавеев», циркуляр №1 ЦК Сионистских организаций в России, датированный 11 сентября 1911 года, написанный карандашом конспект доклада о крещении и многое другое....

4) У Трумпельдора – деревянная печать для мастичных оттисков сионистского кружка русских военнопленных в японском городе Такайси, денежный журнал этого кружка, несколько экземпляров выпущенной там газеты «Дос юдишер лебен», единичные экземпляры брошюр по анархической, сионистской и социал-демократической литературе и большое количество партийной переписки».

Как видите, не пропустили ничего. Даже извещения прихватили на всякий случай. Возможно, заинтересовались обращением: «товарищ». Больно удивительна такая доброжелательность в отношении незнакомых людей.

Еще, конечно, их сердили буквы на деревянной печати. Что они обозначают было неясно, но гонор чувствовался. Кажется, они говорили: мы сами по себе! Раскрываемся только перед своими, а вас, полицейских, не желаем знать.

Каково жить после обыска? Со временем привыкаешь к вырванным половицам и горшкам без цветов. Затем начинаешь размышлять. Сколько можно делить страну с полицейскими? Не правильней совершить обмен? Холод на жару, сквозняки на ветер с пустыни? Еще наших служивых на служивых турецких? Может, они не будут тягать по пустякам?

Слева направо - сидят: Ханна Белоцерковская, Белла Ковнер-Ерманович, Това Хаскина; стоят: Иосиф Трумпельдор, Давид Белоцерковский. 1910-е годы. Архивное фото.

Некоторые итоги

Для того, чтобы рассказ был последовательным, надо чтобы автор был спокоен. Иными словами, это должен быть не я. При моей нервности трудно усидеть на месте. Только начну один сюжет, а меня уже тянет в сторону.

Впрочем, это произошло в тринадцатом году. Так что из времени мы не выпадаем. С обыском пришли 15 января 1912 года, а надзор за нами установили через год.

Почему так получилось, можно только гадать. Не потому ли, что те, кто за это отвечает, работают неспешно? Есть еще одна причина и она связана с первой. Этих людей столько, что им не договориться. После Финляндии мы оказались в поле зрения петербургской охранки, а те зазевались. Благодаря этому Иосиф сел в поезд – и ту-ту! Когда о нем вспомнили, он был в Палестине.

Вот оно как. Выходит можно забыть не только перо или книжку, но и человека. Что поделаешь - бюрократическое государство. Как видите, мы этим пользовались. Думали: вот бы потеряться! Спрятаться за какой-нибудь чиновничьей кляксой и так прожить жизнь.

Вот документ, из которого видно, как это бывает. Сперва в графе «Сведения о виновности и данные обвиняемым объяснения» сказано: «... объяснил, что съезда в Ромнах не было, а было лишь совещание случайно съехавшихся единомышленников». Ясно, что это Иосиф отвечает охранке. Ну а в следующем пункте его нет. Только что был – и исчез. На вопрос: «Где и когда находится под стражей в порядке положения об охране» дан ответ: «Арестован не был. В настоящее время... в Палестине».

Дальше следует неожиданный вираж. Сказано, что надзор за Иосифом установлен «вне столиц и столичных губерний...» Где это «вне столиц...»? В Палестине или, скажем, в Пскове? Скорее, в Пскове, то есть на территории русской полиции. Правда, уверенности у меня нет. Почему бы им не распространить влияние на другой континент? Если тут есть русский посол, отчего не быть русской охранке?

Казалось бы, зачем? Вряд ли уместны такие вопросы. Хотя бы для того, чтобы показать мускулы. Чтобы было ясно, что эти люди везде. Ты от них убежал, а они тут как тут. Уже не рядятся кучерами, а борются с москитами.

Скорее всего, это фантазии. Достоверно известно, что об Иосифе вспомнили еще раз. В чиновничьем мозгу вдруг мелькнуло: а если из Палестины он вернулся на Кавказ? Вариант совсем невозможный, но чем бы охранка не тешилась. Главное, чтобы не уменьшался расход бумаги. Если написано много писем и получено ответов, это и есть результат.

Впрочем, выяснение этих обстоятельств заняло не так много времени. Обратились к Терскому губернатору, а тот, как видно, не хотел затягивать. Уже 17 мая 1913 года дело закрыли: «Переписку о названных выше лицах в порядке, указанном ст. 34 Положения о государственной охране, прекратить...» В переводе с чиновничьего это значит: постарались, и хватит. В связи с неопределенностью местонахождения дальнейшее наблюдение невозможно.

Так всегда. Сперва машина работает целенаправленно, а потом шестеренки крутятся на холостом ходу... Через пару лет власти оставили Иосифа в покое. Решили не рыскать по свету, а поискать у себя под носом. Не скажу о прочих, но я их точно заинтересовал. Скорее всего, имели значение старые связи. Приятель Трумпельдора, участник кружка палестинофилов. Чем не клиент охранного отделения?